

ЭТА ОСЕНЬ

Солнце уже
С холодами не справится.
Желтеет осень
До зимних седин.
А мне почему-то
Эта осень нравится.
Один, а не грустно.
Да и вообще не один.
Смотрю из окна —
Ворона на ветке.
Она ни за что
Не слиняет на юг.
А рядом с компьютером —
Хомяк в клетке.
Он любит семечки.
И я их даю.
Он хрустит семечками,
Смотрит глазёнками,
Пытается что-то
Мне донести.
И я себя чувствую
Почти ребёнком.
И мне так нравится
Это «почти».
И мне хватает
Земли и неба,

И даже клетки
Своей судьбы.
А плохого в жизни
Ничего и не было —
Его, наверное,
И не может быть.
Какое плохое
Может длиться,
Когда, кажется,
Небо слышишь?
Когда на асфальте
Желтеют листья,
И ты, как воздухом,
Ими дышишь.
А ближе к вечеру,
Часов в восемь,
Схожу, наверное,
За коньяком.
На ветке — ворона.
Вокруг — осень.
И едим мы семечки
С хомяком!

* * *

Мы все у жизни
В каком-то ранге.
У Бога каждый
На карандаше.
Вчера ко мне
Приходил ангел.
И мы с ним беседовали
О душе.
Жизнь ведь не прошествуешь
Тихой сапой,
Иначе Бог тебя
Создал зря.
А мне вчера приснился
Папа —
В ночь предпоследнюю
Ноября.

Он был в напряжении
Постоянном,
И было видно,
Что он устал.
А я был просто
Немного пьяным,
Поскольку что-то там
Написал.
Он всё говорил,
Говорил о чём-то —
От полнозвучья
До тишины.
А я смотрел
На его причёску,
И видел — прибавилось седины...
И вот я проснулся
В квадрате комнат:
Снаружи
Так же, как и внутри.
И я ничего,
Ничего не помню,
О чём он оттуда мне
Говорил.
Не всё понимается
Словом, взглядом.
Мир для вечности —
Не очень нов.
И сидели мы с ангелом
Просто рядом.
И водку пили
Из стаканов.
Помянули папу,
Поговорили
О грехах,
О нашем вокруг бессилье.
Утро.
Прощаемся.
Накурили.
— Такси вызвать?
— Так я — на крыльях...

И день — жених,
 И ночь — невеста.
 И утро — колыбель всего.
 И дед Арсений у подъезда:
 — Вот жизнь прошла.
 А для чего?

Вот жизнь прошла —
 Не до веселья.
 Обратный начался отсчёт.
 Конечно, может, он с похмелья,
 А, может, сон пришёл не тот.

В квартире, раз такое дело —
 Нет больше посторонних лиц,
 На сковородке
 Подгорела
 Яичница из двух яиц...

И мы закурим сигареты.
 Седое утро.
 Дым горчит.
 Я просто помолчу об этом,
 И дед Арсений
 Помолчит —

Ведь, может, вышло и такое:
 Обида принесла вину.
 Он всё-таки любил и строил
 И защищал свою страну,
 Свою страну — совсем не
 малость,
 Не партия в короткий блинчик.
 Но нет страны — она распалась.
 И жизнь прошла,
 И в ней осталась
 Яичница из двух яиц.

Мы рядом с вокзалом все —
 Железнодорожные жители.
 По ночам — перестук колёс,
 И гудки в темноту ревут.
 На станции Оренбург
 Работают составители.
 Цепляют друг к другу вагоны.
 А дальше — как повезут.
 На станции Оренбург
 Знакомые светят лицами.
 Здесь видно сразу чужих,
 Такой на рельсах закон.
 На станции Оренбург
 Бездомные и полиция
 Кормятся, как в реке.
 И кормит их всех перрон.
 Приходит поезд с Ташкента —
 Другого пути не будет.
 И все бросаются сразу,
 Чтобы не ошибиться —
 Бомжик с разбитым глазом,
 (Надо ж помочь людям)
 И полицаи тоже —
 Надо ж опохмелиться.
 Бомжик несет чемоданы,
 Скованно и неловко,
 Ему и ходить-то больно,
 Но как не поймать момент.
 А где-то в экипировке,
 В бюджетной экипировке
 Ждёт гостей из Ташкента
 Мент.

Он даже уже немного
 Оплыл от сытого жира,
 За всё заплатить обяжет
 За каждую пядь минут,
 Работают составители.
 И все вокруг — пассажиры.

Вот пройдем немного по жизни,
А дальше — как повезут...

* * *

Жизнь по своим меркам
Идет иногда с хрустом:
Умер сосед сверху.
В подъезде теперь пусто.
В подъезде теперь слишком
Тихо, стыло особо.
Стоит на площадке крышка
Гроба.
А был он всегда с нами,
Что-то там мастерил он,
Стучал, пилил вечерами,
И это меня злило.
Вечером бы потише,
А тут почти перестрелка.
Он этажом выше,
У меня с потолка — побелка...
Конечно, любой — не практик
Правильной жизни плавной,
Но был у него характер,
Скажем уж так — не славный.
Любил говорить громко,
Любил наводить порядок.
А теперь вот — лежи на кромке
Венков, могил да оградок...
Не был он монументом,
Понимал по-своему что-то,
Говорил мне: «Интеллигенту
Нужно просто больше работать.
Походить в комбесе потёртом
И не лазить по верхотуре»...
И добавил: «И я четвёрки
Получал по литературе...»
Вроде вовсе не жил он праздно,
Ходил в халате и в тапочках.

А теперь вот в подъезде грязно,
И кто-то выкрутил лампочку...
Пахнет свечами терпко,
И мне теперь не до сна —
Умер сосед сверху.
И спать не даёт
Тишина.

ДРУЗЬЯМ

Забывать уже
Я это не смогу.
Мне этот вечер
Вспоминать не жалко.
Вот осень.
Вот костёр на берегу.
И мы вокруг костра.
У нас рыбалка.
Ещё смеяться
нам хватает сил.
Хотя вокруг
полным-полно печали.
И в озере уснули караси,
Которых
Мы сегодня не поймали.
Но хватит
Чешуи нам и хвоста
И будем выпивать мы
И смеяться.
И понимать, что детство —
это там,
Где нам уже никак не оказаться.
Теперь ты, осень,
Сморщенно стара —
И нас уже немного здесь
осталось.
Один погиб вот тут же, у костра,
Другого сердце мучить
отказалось.

Ещё кого-то в драку занесло,
Кого-то в забугорные объятья...
Но было у костра тогда светло.
И, видит Бог,
Тогда мы были братья.
И повторится всё, как на бегу —
Как в жизни — и не шатко,
и не валко:

Вот вечер.
Вот костёр на берегу...
И мы вокруг костра.
У нас рыбалка.

* * *

Вот наконец
Стою я на меже.
И день мой
Одинок и безрассуден.
Но иногда ко мне
Приходят люди,
Которых здесь, со мною
Нет уже.

Конечно,
Это всё-таки во сне,
И там свои
Условности иные.
Но там, во сне,
Любимые, родные,
Как будто снова
Помогают мне.
Мы там живём,
Мы пьём на кухне чай,
Веранду к нашей даче
Снова строим,
И говорим,
И ссоримся порою,
Обидевшись на что-то
Невзначай.
Там свой, особый
Жизненный уклад,
Мы там готовим
Курицу на гриле.
И все мои собаки—
Те, что были,
Чуть рядом
В ожидании
Сидят.

